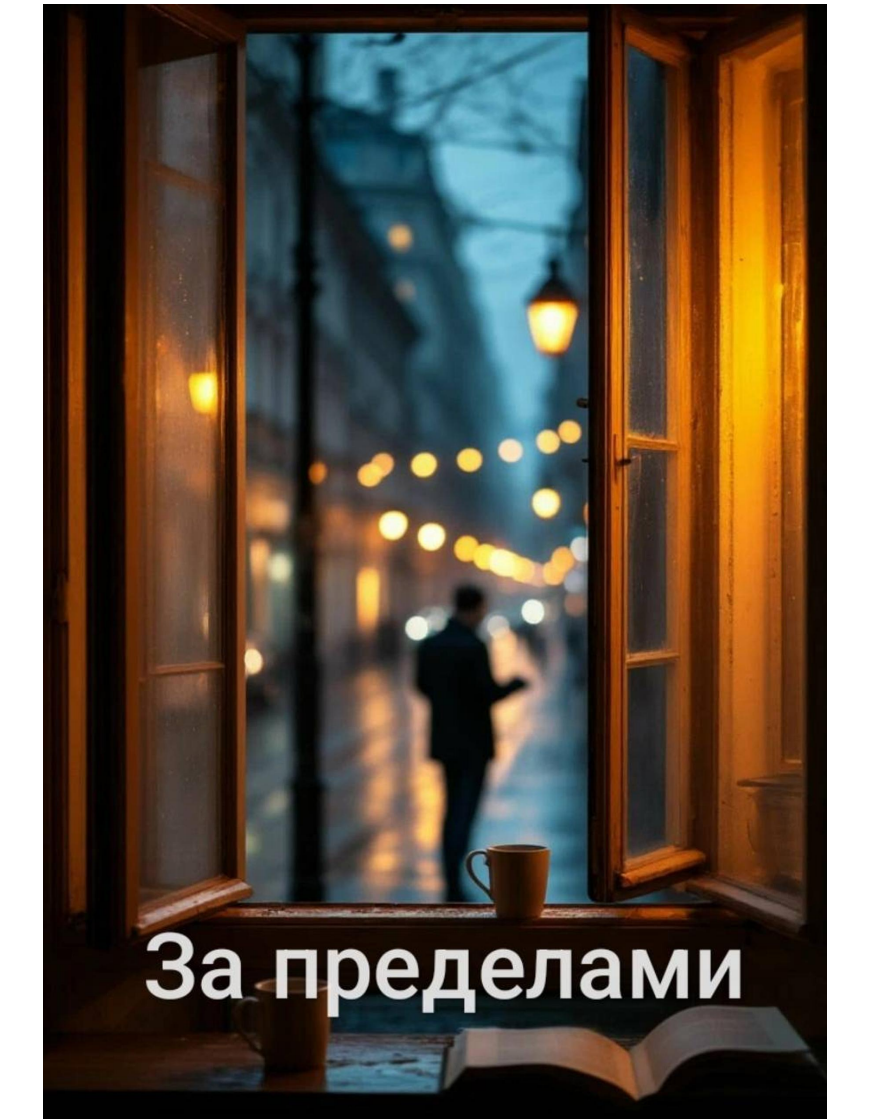

За пределами

Алекс Пушкин

За пределами

<https://litres.ru/74277504>

SelfPub; 2026

Аннотация

«За пределами» — пронзительная история о человеке, который добровольно запер себя в четырёх стенах на 1048 дней.

Андрей потерял всё: любимую девушку, смысл жизни, желание выходить из дома. Его мир сузился до размеров старой квартиры, где каждый предмет подчинён ритуалу, а единственным собеседником стала фотография на стене.

Но однажды в дверь постучал старый друг. А за окном, на скамейке, появилась девушка, которая два года ждала, пока он откроет занавески.

Это роман о том, как трудно сделать первый шаг и как легко — сдаться. О том, что любовь приходит не через порог, а через щёлочку в приоткрытом окне. О том, что даже после самой тёмной ночи обязательно наступает рассвет.

Для всех, кто когда-либо боялся выйти из своей зоны комфорта. И для тех, кто ждёт кого-то у окна.

Алекс Пушкин

За пределами

За пределами

Глава 1. Границы территории

Окно выходило на север, поэтому солнца в комнате почти не было. Только серый, ровный свет, который не давал теней и делал все предметы плоскими, словно на старой фотографии.

Андрей знал этот свет двадцать три года. Он знал, как в три часа дня он ложится на корешок книги, оставленной на подоконнике, и как к вечеру медленно сползает на пол, оставляя за собой бледную полосу на ламинате.

Он не выходил из дома уже 1 047 дней.

Считал он не нарочно. Просто в какой-то момент это число стало его личным рекордом, единственным достижением, которое не требовало ничьей оценки. За окном шумел город, сигналили машины, кто-то кричал, кто-то смеялся, а здесь, в квадрате сорок метров, царила идеальная, выверенная тишина.

Андрей налил чай. Чайник был старый, советский, со свистком, который он починил сам, перемотав ручку изолен-той. Электрический он выбросил два года назад — он слиш-ком быстро остывал и не издавал того самого звука, когда вода закипала. Этот звук был началом ритуала. Без него день не считался настоящим.

Взяв кружку, он подошел к стеллажу. Там, между томи-ком Набокова и собранием сочинений Стругацких, стояла фотография в деревянной рамке.

Она смотрела прямо на него. Молодая женщина с чуть вздернутым носом и светлыми, выгоревшими волосами. Она улыбалась, но глаза ее были серьезными.

— Привет, — тихо сказал Андрей. — Сегодня четверг. Значит, у тебя там дождь. Я слышал по прогнозу.

Он всегда разговаривал с фотографией. Она не отвечала, но ее молчание было красноречивее любых слов. Оно запол-няло комнату, когда за окном становилось слишком шумно.

Зазвонил телефон. Андрей вздрогнул. Старый, кнопоч-ный, лежащий у двери в прихожей. Он не брал его в руки уже три дня. Звонок повторился. Требовательный, настойчивый.

Андрей подошел к двери, но трубку не поднял. Он просто смотрел на экран, где высвечивалось имя: «Мама».

Восемь пропущенных.

Он знал, что нужно перезвонить. Нужно сказать, что он жив, что у него все хорошо, что он просто занят. Но что значит «занят» для человека, который не выходит из дома? Чем можно быть занятым в этой тишине?

Он выключил звук и вернулся на кухню.

Чай остыл.

Андрей взял блокнот, лежащий на столе. Толстый, в клетку, исписанный мелким, аккуратным почерком. Это была его карта мира. На первой странице было нарисовано расположение всей мебели в квартире. На второй — график передвижения муравьев, которые поселились за холодильником (он знал каждую их тропу). На третьей — расписание соседей сверху.

Он перелистнул на чистый лист и написал одну фразу:

«Если я открою дверь, я перестану существовать. Потому что я существую только здесь, где всё под контролем».

Он закрыл блокнот. На улице начинало темнеть. Северный свет умирал, уступая место электричеству фонарей.

Где-то внизу хлопнула дверь подъезда.

Андрей замер. Это был не обычный хлопок. Он был громче. И следом раздался звук шагов на лестничной площадке. Шаги остановились прямо у его двери.

Он услышал, как кто-то тяжело вздохнул.

А потом — тонкий, бумажный шорох. Кто-то просунул под дверь конверт.

Андрей ждал три минуты. Тишина. Шаги ушли.

Он подошел к двери и наклонился. Конверт был белый, без подписи. Он поднял его, открыл дрожащими руками.

Внутри лежал листок с одним-единственным словом, написанным красной ручкой:

«Ау».

Глава 2. Гость с того света

Слово «Ау» смотрело на Андрея с листка яркой, почти агрессивной красной точкой в конце. Буквы были неровными, наклоненными вправо — словно писавший торопился или злился.

Андрей перечитал раз, другой. Третий.

В голове зашумело. Тот самый шум, который появлялся всегда, когда реальность пыталась дать трещину. Он аккуратно, как бомбу, положил листок обратно в конверт, задвинул его под стопку счетов за электричество и отошел от двери.

— Совпадение, — сказал он вслух. Голос прозвучал слишком тонко. — Просто кто-то ошибся дверью.

Он прошел на кухню, включил воду, чтобы заглушить мысли. Вода лилась на раковину, разбивалась о старую эмаль, и этот звук был безопасным. Знакомым.

А потом раздался стук.

Не звонок. Именно стук. Громкий, уверенный, четыре удара костяшками — «та-та-та-там».

Андрей выключил воду. Сердце забилося где-то в горле, мешая дышать.

— Андрей, открывай, я знаю, что ты там. Твой свет горит, и я слышу, как ты шуршишь.

Голос был низким, хриловатым, с наглыми веселыми нотками.

Андрей узнал его мгновенно. Этот голос он не слышал тысячу дней, но помнил каждую интонацию. Он замер у кухонной двери, вцепившись в косяк, будто тот мог удержать его от падения.

— Дима, — прошептал он.

— А ты думал, кто? Господь Бог? — голос за дверью хохотнул. — Давай, открывай. Я не кусаюсь. И, кстати, у меня с собой пиво. Нормальное, не то пойло, которое ты пил в последний раз.

Андрей посмотрел на цепочку. Потом на замок. Потом на свои руки, которые начали мелко дрожать.

— Я не открываю, — сказал он тихо, но достаточно громко, чтобы его слышали.

— Да я знаю, — ответил Дима без тени удивления. — Ты уже два года не открываешь. Я поэтому и написал «Ау». Чтобы ты понял, что это не случайность. Я тебя нашел, брат. Через твою маму.

Андрей закрыл глаза. Мама. Конечно. Восемь пропущенных.

— Зачем ты пришел? — спросил он, и в голосе прорезалась злость. Та самая, которая пряталась под слоем страха. — Я не просил. Мне здесь хорошо.

За дверью повисла пауза. Дима, видимо, прислонился к косяку — Андрей услышал, как скрипнула краска.

— Андрюх, — сказал Дима уже серьезно, без прежнего бахвальства. — Там, снаружи, ничего не изменилось. Город тот же. Люди те же. Я тот же. А ты... Ты просто исчез. Я думал, ты умер. Честно. Два года я считал тебя мертвым. А вчера твоя мама дала мне адрес и сказала: «Поговори с ним. Я не могу».

Андрей молчал.

— Я не буду тебя вытаскивать силком, — продолжил Ди-

ма. — Но я хотя бы хочу увидеть тебя. Одним глазом. Через щелочку. Чтобы убедиться, что ты реальный, а не моя фантазия.

Андрей посмотрел на дверь. Цепочка. Второй замок. Безопасность.

И вдруг он вспомнил, как они сидели с Димой на крыше старого общежития, пили дешевое пиво и смеялись так, что у них болели животы. Дима тогда сказал: «Запомни: если я когда-нибудь пропаду, ищи меня в самых глупых местах. Потому что умные места заняты».

Андрей усмехнулся. Первый раз за долгое время.

— Щепочку, говоришь? — переспросил он.

— Да. Сантиметр. Обещаю не ломать дверь.

Андрей медленно подошел к двери. Пальцы легли на цепочку. Металл был холодным.

Он приоткрыл дверь ровно настолько, чтобы видеть узкую полосу коридора.

И увидел Диму.

Тот стоял, прислонившись плечом к стене, с двумя банками пива в одной руке и дурацкой улыбкой на лице. Он почти не изменился. Разве что на висках появилась седина, а вокруг глаз — морщинки. Но глаза были те же: живые, озорные, чуть безумные.

Дима посмотрел в щель. Улыбка сползла с его лица.

— Ну ты и ... — выдохнул он. — Бледный как призрак. Ты вообще ел последние три дня?

— Я не голоден, — ответил Андрей, но голос дрогнул.

Дима протянул одну банку в щель.

— Держи. За встречу. И за то, чтобы ты перестал быть моим личным призраком.

Андрей взял банку. Металл был ледяным, покрытым капельками влаги.

Он не знал, что делать. Закрыть дверь? Пригласить внутрь? Или просто стоять так, застыв между квартирой и коридором, между жизнью и жизнью?

Дима молчал. Ждал.

— Ты не изменился, — наконец сказал Андрей.

— А смысл? — пожал плечами Дима. — Меняться — это скучно. Лучше оставаться собой и ждать, пока мир подстроится.

Он сделал паузу и добавил тише:

— Я пришел не чтобы спасти тебя. Я пришел сказать, что по тебе скучают. Я, твоя мама, та дура Наташка из параллельного класса. Мы все еще здесь. А ты решил, что нас нет.

Андрей сжал банку так, что она чуть хрустнула.

— Ты не знаешь, что случилось, — прошептал он.

— Знаю, — жестко ответил Дима. — Я знаю про Лизу. Я знаю, что ты винишь себя. Но, Андрей, ты не мог ничего изменить. Ты не бог. Ты просто человек, который любил ее. И который теперь боится выйти на улицу, потому что там, снаружи, больше нет ее.

Тишина повисла в коридоре, тяжелая, как мокрая шерсть.

Андрей смотрел на друга и чувствовал, как что-то внутри него — то, что было заморожено тысячу дней — начинало оттаивать. И это было больно.

— Ладно, — сказал он вдруг. — Заходи. Но только на одну банку.

Дима улыбнулся — и в этой улыбке было всё: и облегчение, и грусть, и надежда.

— Договорились, — сказал он. — На одну.

Он шагнул через порог.

И Андрей впервые за 1048 дней закрыл дверь не на все замки, а только на один.

Глава 3. Воздух

Они сидели на кухне. Два старых друга, разделенных тысячей дней молчания и двумя метрами линолеума. Банки с пивом уже отпотели, на столе остались мокрые круги, будто следы от слёз.

Дима рассказывал. О работе, о бывшей жене, о том, как купил машину и тут же врезался в столб («Водитель из меня,

как из тебя — танцор»). Он говорил легко, сыпал шутками, но краем глаза следил за Андреем. За тем, как тот сидит ссутулившись, как отпивает пиво крошечными глотками, будто пробует яд.

Андрей почти не слушал. Он смотрел на руки Димы — живые, подвижные, с грязью под ногтями. И думал: «Он был там, снаружи. Он касался перил, денег, лиц. А я касаюсь только книжных корешков и выключателей».

Когда Дима засобирался (прошло уже три банки, договоренность была нарушена), Андрей вдруг сказал:

— Я открою окно.

Дима замер, уже стоя в прихожей.

— Что?

— Окно. — Андрей кивнул в сторону комнаты. — Я давно его не открывал. Только проветривал на микропроветривании. Но сейчас... воздух тяжелый. Пахнет пивом и... мной.

Дима хотел что-то сказать, но промолчал. Он просто кивнул и остался стоять у двери, наблюдая.

Андрей подошел к окну. Оно выходило на север, но сейчас, в сумерках, за стеклом горели оранжевые фонари, и двор казался не серым, а тёплым. Он положил ладонь на холодную ручку. Пластик был старым, скрипучим.

— Давай, — тихо сказал Дима из прихожей.

Андрей повернул ручку. Рама нехотя поддалась. Он толкнул створку — и внутрь ворвался звук.

Сразу весь. Гул машин с проспекта, далекий лай собаки, чей-то смех с балкона этажом выше, ветер, который шевелил занавески. И запах — сырой, бензиновый, с нотками тополиных почек, — ударил в лицо. Горький. Пряный. Живой.

Андрей зажмурился. Голова закружилась. Он цеплялся за подоконник, словно его могло выдуть наружу.

Дима молчал, давая ему время.

Андрей открыл глаза. Внизу, во дворе, было пусто. Только мокрый асфальт, скамейка и старый «Москвич» с одним рабочим фарой.

И вдруг он увидел её.

На скамейке сидела девушка. Одна. Она сжимала в руках книгу, но не читала — смотрела прямо на его окно. На него. Её лицо было бледным в свете фонаря, волосы собраны в небрежный хвост. Она не прятала взгляда. Смотрела в упор, будто ждала, что он появится.

Андрей отшатнулся, спрятался за штору.

— Ты чего? — спросил Дима.

— Там... — выдохнул Андрей. — На скамейке. Она смотрит.

Дима подошел, выглянул в окно.

— Да там никого нет, — пожал он плечами. — Скамейка пустая.

Андрей выглянул снова.

Скамейка была пуста.

Но на сиденье, там, где сидела девушка, остался тонкий белый след — лепесток от яблони, хотя май только начинался.

Андрей сглотнул. В горле пересохло.

— Ты точно никого не видел? — переспросил он.

— Точно, — сказал Дима. — Может, тебе воздух ударил в голову? — он улыбнулся, но в глазах мелькнула тревога. — Андрюх, я сейчас пойду. Но я вернусь. Завтра. В это же время. И я принесу нормальной еды. А ты... ты постарайся не закрывать окно, ладно?

Андрей кивнул, не сводя глаз с пустой скамейки.

Дима ушёл. Хлопнула входная дверь, и в квартире снова стало тихо.

Андрей остался один, стоя у открытого окна. Ветер трепал занавески, и в комнату вливался новый звук — шум города, который он исключил из своей жизни, но который, оказывается, всё это время был рядом. И в этом шуме ему почудился чей-то тихий голос. Женский. Далекий.

Он не мог разобрать слов, но точно знал: это не Лиза.

Это была другая.

Он выдохнул. Медленно, глубоко, будто впервые за три

года набрал полные лёгкие.

— Завтра, — сказал он шёпотом в темноту. — Я посмотрю снова.

И закрыл окно не до конца, а оставил щель. Тонкую. Как ту, в которую он впускал Диму.

На столе, на салфетке, остался телефонный номер, который Дима написал перед уходом.

«Если решишь позвонить — я буду ждать. Если нет — тоже. Но окно не закрывай. Дыши».

Андрей взял номер, свернул и сунул в карман халата. Рядом с ключами, которых не касался уже тысячу дней.

Глава 4. Первый звонок

Номер лежал в кармане халата. Бумажка нагрелась от тепла, края замялись, но цифры оставались чёткими — Дима всегда писал с нажимом, будто продавливал бумагу. Андрей сидел на кухне, смотрел на открытое окно, слушал, как ветер колышет занавески, и чувствовал, как внутри разрастается странное, давно забытое чувство.

Любопытство.

Оно было похоже на щекотку в груди. На предвкушение. На то, что он испытывал в детстве, когда ждал Новый год. Андрей провел пальцем по бумажке. Восемь цифр. Простых. Обычных.

— Это просто телефон, — сказал он вслух, чтобы убедить себя. — Не бомба. Не дверь. Просто голос.

Он взял старый кнопочный аппарат, который лежал в прихожей и молчал три дня. Экран засветился тусклым голубым светом. Восемь пропущенных от мамы. Одно сообщение от оператора. И больше ничего.

Андрей набрал номер. Палец дрожал, когда он нажимал на кнопки. Последнюю цифру он вводил трижды — стирал и набирал заново.

Наконец он нажал зелёную трубку.

Гудки. Один. Второй. Третий.

Андрей уже хотел сбросить, когда в трубке раздался щелчок и хриплый, сонный голос Димы:

— Алло? Если это коллекторы, то я всё отдал соседской кошке.

Андрей молчал. Горло сжалось.

— Алло? — повторил Дима уже настороженнее. — Есть кто живой?

— Дима, — выдавил Андрей. Голос прозвучал сипло, будто он не говорил неделю. — Это я.

В трубке повисла пауза. Секунда. Две. Три. Андрей слышал, как Дима шумно выдохнул.

— Андрюх, — сказал он, и в голосе прорезалась улыбка. — А ты, я смотрю, решил не ждать завтра. Я думал, ты мне эсэмэску отправишь, максимум. А ты звонишь. Это... это круто.

— Я не знаю, зачем я звоню, — честно сказал Андрей. — Просто... когда ты ушёл, я открыл окно. И там была она. Девушка. На скамейке. Я же не сошёл с ума? Ты правда никого не видел?

Дима хмыкнул. Андрей услышал, как тот чем-то шуршит, будто ищет сигареты.

— Слушай, — сказал Дима медленно, — я тебе сейчас скажу одну вещь, но ты не пугайся. Ладно?

— Я уже испуган, — признался Андрей.

— Отлично. Значит, ты в своей стихии. — Дима кашлянул. — Когда я вчера искал твой адрес, я зашёл в магазин напротив твоего дома, купить воды. Там работает девушка. Она увидела меня с листочком, спросила, кого я ищу. Я сказал: «Друга старого, он живёт в этом доме, на втором этаже». А она вдруг покраснела и говорит: «Это случайно не Андрей? Который никогда не выходит?». Я офигел, конечно. Говорю: «Откуда ты знаешь?». А она: «Я каждый день вижу его окно. Иногда занавеска колыхнется, и я знаю, что он там. Я его не видела ни разу, но почему-то хочу познакомиться. Скажи ему, что если он когда-нибудь откроет окно, я буду сидеть на скамейке. И буду ждать».

Андрей замер. Телефон выскальзывал из влажных пальцев.

— Её зовут Наташа, — продолжил Дима. — И да, она реальная. Она работает в том круглосуточном за углом. И она видит твоё окно прямо из своего магазина. Каждый чёртов день, Андрей. Ты думал, что за тобой наблюдает призрак, а

за тобой два года подряд наблюдала живая девушка, которая влюбилась в силуэт за шторой.

Андрей прикрыл глаза. В груди что-то заныло. Больно, но сладко.

— Она вчера ждала меня? — спросил он шёпотом.

— Ага. Я ей сказал, что мы встретимся, и она сказала: «Я буду там, где видно его окно. Если он откроет, я увижу». И она была права. Ты открыл. Она увидела. А ты её увидел.

Андрей открыл глаза и посмотрел в окно. Занавески колыхались. Внизу, на скамейке, снова сидела девушка. Она смотрела на его окно. И в свете фонаря он разглядел — она улыбалась.

— Она там, — выдохнул Андрей. — Прямо сейчас.

— Ну так помаши ей, — спокойно сказал Дима. — Это не больно. Это просто жест. Ты уже открыл окно, ты уже позвонил. Сделай ещё один шаг. Маленький.

Андрей поднял руку. Медленно, словно в воде. Его пальцы дрожали.

Он помахал.

Девушка внизу подняла ладонь в ответ. И помахала ему. Легко, естественно, будто делала это каждый вечер.

Андрей выдохнул. Воздух в комнате стал другим. Легче. Он больше не давил.

— Дима, — сказал он в трубку. — Я, наверное, завтра выйду в магазин.

— За хлебом? — усмехнулся Дима.

— За ней, — тихо ответил Андрей.

И положил трубку.

Скамейка внизу опустела, но Андрей знал — завтра она будет там. И он будет там. Впервые за 1048 дней.

Глава 5. Первый шаг

Андрей проснулся в пять утра.

Он не спал почти всю ночь — лежал на кровати, смотрел в потолок и слушал, как за окном просыпается город. Сначала

редкие машины, потом первые птицы, потом гул мусоровоза где-то в переулке. Обычные звуки, которые он слышал каждый день, но сегодня они звучали иначе. Они звали его.

Он встал. Прошёл на кухню, но чайник не включил. Ритуал сегодня был не нужен. Сегодня ритуал ломался.

Андрей подошёл к шкафу. Там, на дальней полке, за стопкой старых свитеров, висела вещь, которую он не надевал три года. Джинсы. Чёрные, потёртые на коленках. Кроссовки, которые он купил за месяц до того, как закрылся. Он помнил, что хотел тогда пойти в парк, но не пошёл.

Он достал их. Джинсы пахли пылью и нафталином. Он надел их — они были чуть тесноваты, но сидели хорошо. Кроссовки скрипнули, когда он зашнуровал их. Звук был непривычным, чужим.

Андрей стоял перед зеркалом в прихожей и смотрел на себя. Бледное лицо, тёмные круги под глазами, волосы — слишком длинные, неухоженные. Он выглядел как человек, который провёл три года в подвале. Так оно и было, только подвал был уютным и тёплым.

— Ты можешь не выходить, — сказал он своему отражению. — Ты можешь остаться. Здесь безопасно.

Отражение молчало.

Андрей взял ключи. Они лежали в керамической миске у двери. Тяжёлые, холодные, с брелоком в виде черепа — подарок Лизы. Он не брал их в руки тысячу дней. На ощупь они были чужими, как язык, который забыл, как говорить.

Он подошёл к двери. Вспомнил, как впустил Диму, как оставил дверь приоткрытой. Тогда это было легко. А теперь...

Он положил ладонь на ручку. Металл обжёг холодом.

— Я не готов, — прошептал он.

И вдруг в кармане завибрировал телефон. Андрей вздрогнул, достал его. Сообщение от Димы:

«Я сейчас стою у твоего подъезда. Снаружи. Не торопись. Я подожду, сколько надо. Просто знай — за дверью не пустота. Там я. И она. Мы здесь».

Андрей выдохнул. Прижал телефон к груди, как талисман.

— Ты выйдешь, — сказал он себе громко, чтобы голос звучал в тишине. — Ты выйдешь ради неё. Ради Лизы, которая хотела бы, чтобы ты жил. Ради мамы. Ради Димы. Ради той девушки, которая два года ждала, пока ты поднимешь руку.

Он повернул ключ.

Замок щёлкнул. Громко, отчётливо. Андрей снял цепочку. Металлические звенья звякнули, и этот звук разорвал тишину.

Он потянул дверь на себя.

Серый свет из коридора хлынул внутрь. Пахло сыростью, известкой и чужими жизнями. Андрей переступил порог. Одна нога. Вторая. Он стоял на лестничной площадке. Сзади — его квартира. Впереди — лестница. Три пролёта вниз, и улица.

Он закрыл дверь. Не запер. Просто прикрыл.

И начал спускаться.

Шаги отдавались эхом. Каждая ступенька была новой. Андрей держался за перила — они были холодными и шерша-

выми. Где-то сверху хлопнула дверь, кто-то выходил. Он замер, прижался к стене, но шаги стихли — сосед ушёл в другую сторону.

Первый пролёт. Второй.

Он увидел входную дверь. Тяжёлую, с мутным стеклом. За ней было небо. Серое, утреннее, живое.

Андрей остановился. Сердце колотилось так, что он слышал его в ушах. Ладони вспотели. Он подошёл к двери, толкнул её.

Стекло качнулось, и внутрь ворвался ветер. Мокрый, свежий, с запахом мокрого асфальта и первых листьев. Андрей зажмурился. Он стоял на пороге, одной ногой внутри, одной снаружи.

— Андрей, — услышал он голос. Дима стоял в двух метрах, улыбался, сжимая в руке букет ромашек. Он был в старой джинсовке и выглядел как пёс, который наконец дождался хозяина.

А рядом, чуть поодаль, стояла она.

Наташа.

Она была не в форме магазина — в простом белом платье, с распущенными волосами. Она смотрела на него так, будто видела не первый раз, а сотый. Без удивления, без жалости. Просто смотрела — и улыбалась.

— Привет, — сказала она тихо. — Ты вышел.

Андрей не знал, что сказать. Слова застревали в горле. Он сделал шаг. Второй. Кроссовки ступили на мокрый асфальт. Капли дождя упали ему на лицо, на руки, на плечи. Холодные, колючие, настоящие.

— Я вышел, — ответил он, и голос прозвучал твёрже, чем он ожидал.

Он посмотрел на своё окно. С четвёртого этажа. Маленькое, с колышущейся занавеской. Оно смотрело на него, как глаз, который видел всё три года.

Андрей повернулся к Наташе. Сделал ещё шаг. И протянул руку — не для того, чтобы пожать, а просто коснуться её ладони. Проверить, реальна ли она.

Она не отстранилась. Её пальцы были тёплыми. Живыми.

— Я знала, что ты выйдешь, — сказала она. — Я ждала.

Андрей сжал её руку. Впервые за три года он касался другого человека. И мир не рухнул. Небо не упало на землю. Всё осталось на своих местах — просто добавилось ещё одно. Он.

Дима хлопнул его по плечу, и Андрей вздрогнул, но не от испуга — от неожиданности.

— Ну что, брат, — сказал Дима, протягивая букет. — Добро пожаловать обратно.

Андрей взял ромашки. Белые, с жёлтыми серединками. Он посмотрел на небо, на мокрый асфальт, на Наташу, на Диму.

И вдруг улыбнулся. Впервые за тысячу дней. Настоящей, открытой улыбкой.

— Я хочу позавтракать, — сказал он. — Где здесь можно поесть?

Наташа рассмеялась. Дима обнял его за плечи.

— Идём, — сказала Наташа. — Я угощаю. Ты заслужил.

Они пошли вперёд. Втроём. Андрей оглянулся на свой дом — он стоял серый, уютный, но уже не тюрьма. Просто место, где можно жить. А жить можно и снаружи.

Он сжал руку Наташи чуть крепче и зашагал в ногу с ней.

Шаг за шагом. За пределы.

Глава 6. Завтрак вне дома

Кафе называлось «Уголок». Маленькое, с двумя столиками на улице и тремя внутри. Андрей заметил его ещё из окна — оно было прямо напротив его подъезда, через дорогу. Он видел, как люди заходят туда по утрам, пьют кофе, читают газеты. Для него это была часть декорации, как дерево или фонарь. Теперь он стоял у входа, и запах свежей выпечки ударил в нос с такой силой, что закружилась голова.

— Ты как? — спросила Наташа, касаясь его локтя. — Если тяжело, можем просто постоять.

Андрей вдохнул глубоко. Запах кофе, масла, ванили, хлеба — всё смешалось в один густой коктейль. Слишком много. Но он кивнул:

— Нет. Я войду.

Дима уже открыл дверь и жестом приглашал их внутрь. Андрей перешагнул порог. Внутри было тепло, пахло ещё сильнее. Играла тихая музыка — старая, джазовая. За стойкой стояла женщина лет пятидесяти с приветливым лицом. Она посмотрела на Андрея, улыбнулась:

— О, у нас новый клиент! Дима, это твой друг?

— Ага, — Дима подмигнул. — Его зовут Андрей. Он... впервые у вас.

Женщина понимающе кивнула, ничего не спросила. Просто указала на столик у окна:

— Садитесь, я принесу меню.

Андрей сел, чувствуя, как дрожат ноги. Стул был деревянным, жёстким. На столе стояла салфетница и маленькая вазочка с искусственным цветком. Он смотрел на эти детали и не верил, что всё это реально.

Наташа села напротив, Дима рядом. Андрей посмотрел в окно — оттуда было видно его дом, его окно, которое сейчас казалось крошечным и чужим.

— Хочешь, я закажу тебе? — спросила Наташа. — У них отличные сырники.

Андрей покачал головой:

— Я сам. Я хочу сам.

Он взял меню — пластиковая карточка, заламинированная, с фотографиями блюд. Пальцы скользили по глянцу. Он читал названия: «Овсянка с ягодами», «Блинчики с творогом», «Круассан с шоколадом». Слова были знакомыми, но вкус он уже забыл.

— Сырники, — сказал он официантке. — И чай. Чёрный.

— С сахаром? — спросила она.

Андрей задумался. Он не пил чай с сахаром три года. Но сейчас захотелось сладкого.

— Да, две ложки.

Официантка ушла, и Андрей почувствовал, как от его плеч отваливается камень. Он сделал это. Он заказал еду в кафе.

— Я горжусь тобой, — сказал Дима. — Ты даже не представляешь, как я рад, что ты здесь.

Наташа молчала, но её глаза говорили то же самое. Она взяла его руку, лежащую на столе, и сжала.

— Расскажи мне о себе, — попросил Андрей, глядя на неё. — Я знаю, что ты два года смотрела на моё окно. Но я не знаю, кто ты.

Наташа улыбнулась, отпустила его руку и откинулась на спинку стула:

— Меня зовут Наталья, но для всех я Наташа. Мне двадцать семь. Я работаю в круглосуточном магазине через дорогу уже четыре года. Живу одна, с котом. Люблю читать, слушать музыку и смотреть в окно по вечерам. — Она усмехнулась. — И примерно два года назад я заметила, что у тебя всегда горит свет. И занавески колышутся. И я стала ждать этого движения. Это стало моим ритуалом.

Андрей слушал, не перебивая. Её голос был мягким, успокаивающим. Он чувствовал, как внутри разливается тепло, совсем не похожее на чай.

— Почему ты не подошла раньше? — спросил он.

— А зачем? — пожала она плечами. — Я видела тебя только в тени. Я знала, что ты не выходишь. И решила, что у тебя есть причина. Не хотела нарушать твой покой. Но когда появился Дима, я поняла, что это знак. И я сказала себе: «Если он откроет окно, я буду там».

Принесли завтрак. Тарелка с сырниками, политыми сметаной, и чай в прозрачной чашке. Андрей взял вилку, отломил кусочек. Рот наполнился вкусом — сладким, творожным, горячим. Он закрыл глаза. Это было не просто вкусно. Это было возвращение.

Он съел всё до крошки.

Дима ухмыльнулся:

— Ну, теперь ты официально человек.

— Я чувствую себя человеком, — ответил Андрей. — Странно, но я чувствую.

За окном начал накрапывать дождь. Капли стучали по стеклу, и Андрей подумал, что раньше он ненавидел этот звук — он напоминал о стенах, о клетке. Теперь он слушал

его как музыку.

— Что будем делать сегодня? — спросил Дима.

Андрей посмотрел на Наташу, потом на улицу, на серое небо и мокрый асфальт.

— Я хочу пройтись. Просто пройтись. По району. Пять минут, не больше.

— Договорились, — сказала Наташа. — Я буду рядом.

Они вышли из кафе. Дождь моросил, не сильный. Андрей поднял лицо к небу, и капли упали на его щёки. Он не чувствовал холода. Он чувствовал жизнь.

Они пошли вдоль домов. Андрей смотрел на привычные вывески, на деревья, на машины — всё это он видел из окна, но сейчас оно было объёмным, живым, настоящим. Он остановился у старого тополя, потрогал кору. Она была шершавой, влажной.

— Я совсем забыл, какой мир на ощупь, — сказал он тихо.

Наташа подошла, встала рядом.

— Мир терпеливый, — ответила она. — Он ждал.

Они шли дальше. Андрей заметил, что его дыхание становится ровнее, шаги увереннее. Три года сжались в одну секунду, и он переступил через неё.

Глава 7. Знакомство заново

Он проснулся от солнечного света. Впервые за три года солнце пробивалось сквозь занавески не серым, а золотым. Андрей приоткрыл глаза и долго смотрел на потолок, пытаясь понять, где он. Знакомая трещина над люстрой, старый абажур, пыль на книжных полках — его комната. Но воздух был другим. Свежим, с примесью утренней сырости и далёкого запаха жареного хлеба из кафе напротив.

Он сел на кровати, потёр лицо ладонями. Вчерашний день кружился в голове, как калейдоскоп: Дима с пивом, щель в двери, открытое окно, девушка на скамейке, телефонный звонок, кафе, сырники, дождь, её поцелуй в щёку. Наташа. Её звали Наташа.

Андрей встал и подошёл к окну. Занавески колыхались от лёгкого ветра. Он выглянул во двор. Скамейка была пуста, но магазин напротив уже работал. Жёлтая вывеска «Круглосуточно» мигала тусклым светом. Он знал, что она там. И

вдруг его затопила волна странного волнения — не страха, а предвкушения. Ему хотелось увидеть её снова. Не в тени фонаря, а при свете дня.

Он быстро умылся, переоделся в те же джинсы и кроссовки, которые надел вчера. В зеркале он выглядел чуть лучше — глаза блестели, щёки порозовели. Он взял ключи, вышел из квартиры и спустился по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. На улице его встретило яркое майское утро. Птицы заливались, машины шуршали по мокрому асфальту, пахло зеленым и бензином. Андрей глубоко вдохнул — и не закашлялся. Лёгкие принимали этот воздух без сопротивления.

Он перешёл дорогу, толкнул стеклянную дверь магазина. Внутри раздался мелодичный звон колокольчика. Сначала он ничего не видел — глаза привыкали к свету. Потом заметил за прилавком Наташу. Она стояла, опершись локтями о стекло, и читала книгу. Услышав звонок, подняла голову, и её лицо осветилось такой улыбкой, что Андрей чуть не споткнулся о порог.

— Андрей! — она выпрямилась, захлопнула книгу. — Ты пришёл! Я думала, ты отсыпaeшь после вчерашнего.

— Я хотел тебя увидеть, — выпалил он и тут же смутился.

— То есть... я забыл купить хлеб. И молоко.

— Ах, хлеб и молоко, — она притворно нахмурилась, но глаза смеялись. — Ну, проходи, выбирай. У нас есть батон, есть булочки, есть круассаны. Молоко — в холодильнике у входа.

Андрей прошёл между стеллажами, ощущая себя неуклюжим слоном. Всё было слишком ярким, слишком близким. Он взял батон, потом молоко, потом почему-то ещё пачку печенья. Наташа наблюдала за ним, чуть склонив голову набок.

— Ты всегда так много покупаешь, когда нервничаешь? — спросила она.

— А ты заметила, что я нервничаю? — он положил покупки на прилавок.

— Ты держишь печенье вверх ногами. И твои руки чуть трясутся.

Он посмотрел на свои руки — она была права.

— Я не привык быть в магазине. Три года я только заказывал продукты с доставкой. И то редко.

Наташа пробила товар, но не назвала сумму. Вместо этого она вышла из-за прилавка, взяла его под руку и повела вглубь магазина, к небольшому диванчику у окна, где продавали кофе навынос.

— Садись, — сказала она. — Я сейчас.

Она вернулась через минуту с двумя бумажными стаканчиками, один протянула ему.

— Это капучино. Бесплатно. Для первого посетителя, который пришёл ко мне сам, а не через окно.

Андрей взял стакан. Кофе пахло шоколадом и корицей. Он отпил — горячо, сладко, и по телу разлилось приятное тепло.

— Ты работаешь здесь каждый день? — спросил он.

— По графику. Сегодня у меня утренняя смена, до двух. Потом я свободна. Если хочешь, можем погулять.

— Хочу, — сказал он быстро. — Очень хочу.

Они сидели у окна, и Андрей смотрел, как Наташа по-

правляет волосы, как улыбается, как её глаза поблёскивают в утреннем свете. Она рассказывала о своей работе, о том, как иногда скучно, как она читает книги между клиентами, как придумывает истории про людей, которые заходят за сигаретами или колой.

— Я знаю, кто ты, — сказала она вдруг. — Ну, не совсем, но знаю, что ты что-то пережил. И ты три года не выходил. Это серьёзно. Я не буду спрашивать, что случилось, если ты не хочешь. Просто... я рада, что ты пришёл.

Андрей опустил глаза.

— Я хочу тебе рассказать. Но не сразу. Можно?

— Можно, — мягко ответила она. — Мы никуда не спешим.

Он допил кофе, оставил стакан на столике и вдруг вспомнил, что должен был купить хлеб. Наташа рассмеялась, когда он заметался к прилавку:

— Да не бойся, я уже пробила и убрала в пакет. Иди с миром.

Он забрал пакет, ещё раз посмотрел на неё и вышел на

улицу, чувствуя себя так, будто летит. В голове звучал её смех.

Остаток дня он провёл в странном возбуждении. Вернувшись домой, он переложил покупки, сел на кухне и не мог найти себе места. Он смотрел в окно, ждал, когда будет два часа. Каждые пять минут поглядывал на часы. Он хотел снова увидеть её.

В два часа он уже стоял у магазина. Наташа вышла в лёгком плаще, без формы, с распущенными волосами. Она выглядела как другая, более живая и простая.

— Гуляем, — сказала она, и они пошли к набережной.

Они долго шли по берегу реки. Вода блестела на солнце, чайки кричали, ветер трепал волосы Наташи. Андрей рассказывал о своей жизни — осторожно, маленькими порциями: о Лизе, об аварии, о том, как он винил себя, о том, как закрылся, о маме, о Диме. Голос его иногда срывался, но Наташа слушала молча, не перебивая, не жалея, просто принимая. Когда он замолкал, она касалась его руки и говорила:

— Я не знаю, что ты чувствуешь. Но я слушаю. И я рядом.

К вечеру они сидели на лавочке в парке, и Андрей вдруг

понял, что рассказал всё, что было у него внутри. И не развалился на части. Наоборот, стало легче.

— Спасибо, — сказал он.

— За что? — удивилась она.

— За то, что ты есть. И за то, что ждала.

Она улыбнулась, и в её глазах было столько света, что он забыл о времени.

Он проводил её до дома. Она жила в соседнем квартале, в старом пятиэтажном доме. У подъезда она остановилась и посмотрела на него:

— Завтра я работаю во вторую смену. Могу прийти к тебе после восьми, если хочешь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.